

BARBARA RODZIEWICZ

Безопасность в польской и русской аксиосферах языкового сознания

Safety in the Polish and Russian axiospheres of linguistic consciousness

Abstract. In this study, the focus is placed on the semantic content of several concepts in the language consciousness of Polish and Russian speakers revealed by means of the free associative test. Particular attention is paid to the real content of the concepts *bezpieczeństwo* and *безопасность*. The paper reports on the results of the comparative analysis of data obtained by means of a free non-directional associative experiment. The distribution of cognitive characteristics according to the degree of brightness in the structure of the concepts is presented. Special attention is paid to identifying similarities and differences in the semantic content and the semantic volume of the investigated concepts. The examined data, taken from associative dictionaries, allow for describing the dynamics of the process of conceptualization as well as for presenting the peculiarities of both concepts. The paper further discusses the formats of the conceptualization of *bezpieczeństwo* and *безопасность* and the language dynamics of the objectification of these formats.

Keywords: linguaculturology, axiology, safety, verbal association test, Poles and Russians

Barbara Rodziewicz, Uniwersytet Szczeciński, Szczecin – Polska, barbara.rodziewicz@usz.edu.pl,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7724-5602>

Везде, где есть жизнь, есть и опасность
(Ralph Waldo Emerson)

Безопасность связана с человеческим существованием и формами сосуществования людей в коллективах с незапамятных времен. Человек всегда стремился улучшить свою жизнь, удовлетворить свои основные потребности, обуславливающие продолжительность его жизни и обеспечивающие стабильность его благосостояния.

Человек всегда искал и ищет эффективные инструменты обеспечения нужного уровня безопасности (Rosa 13). Следовательно, защищенность становится основной, инстинктивной потребностью, требующей полного удовлетворения, гарантирующей сохранение жизни и здоровья, необходимых для нормального состояния всех функциональных систем человека.

На лестнице человеческих потребностей безопасность занимает одно из самых высоких мест. Американский психолог Абрахам Маслоу, создатель теории иерархии потребностей, доказывает, что реализация физиолого-психологической нужды в безопасности, классифицируемой им как нужда низшего порядка (т. е. как одна из важнейших потребностей), позволяет человеку удовлетворять метапотребности, т. е. нужды высшего уровня (потребности роста) – потребность в принадлежности к группе и в любви, признании обществом, самореализацию, когнитивную и эстетическую нужды. Отсутствие удовлетворения требования в безопасности тормозит развитие человека, препятствует его самоактуализации и совершенствованию, приводит к концентрации человека всего лишь на выживании, оставляя позади ряд других целей и ценностей (Maslow 62–138).

Современный финский социолог Эрик Аллардт рассматривает человеческую защищенность в контексте измерения состояния (*being*) человека в отношении его существования в обществе (Allardt 88–94). По мнению польского антрополога Бронислава Малиновского, безопасность, наряду с его репродуктивной функцией и здоровьем, относится к базовым требованиям, которые удовлетворяет человеческая культура (Szacki 662).

Безопасность – цель личной, но и общественной жизнедеятельности человека, направленных на предотвращение, устранение потенциальных и реальных угроз, страха и душевного беспокойства. Являясь основным объектом человеческих усилий, безопасность относится не только к числу потребностей, но и к числу ценностей. В качестве аксиологической категории безопасность приобретает форму желания. Это означает, что она в числе едва достижимых ценностей, следовательно, требует немалых усилий, являясь одновременно большим вызовом для субъекта. И все же человек хочет ее достичь и применить на практике (Krzyżanowski 216). Аксиологическое измерение безопасности дало основание рассматривать ее под углом зрения различных теорий и классификаций ценностей, включая типологии, предложенные Милтоном Рокичем, Максом Шелером, Рональдом Инглхартом и Шаломом Шварцом.

Безопасность в аксиологическом измерении наделена, безусловно, положительным значением, в то время как безопасность, понимаемая как потребность, т. е. обычно как состояние индивидуума, ощущающего недостаток чего-то, что по разным причинам (напр. биологическим или социальным) необходимо для их жизни и развития (Zbróg 14), содержит некоторый элемент отрицательной оценочной окраски. Если для негативно понимаемой защищенности первостепенными потребностями являются существование и выживание человека, то для позитивно воспринимаемой безопасности важнейшим считается ее развитие. На самом деле трудно переоценить как

экзистенциальную, так и духовную безопасность. Она, несомненно, фундаментальная, хотя не автотелическая (терминальная) ценность – не самоценность, поскольку она лишь обеспечивает реализацию других ценностей, по отношению к которым устанавливается ее служебный, инструментальный характер (Szmyd 45–52).

Целью данного исследования является представление и сравнение способов концептуализации безопасности как ценности в языковом сознании поляков, русских и немцев. Концептуализация понимается здесь вслед за Рональдом Лангакером как „ментальный опыт, который включает сенсорный опыт, процессы создания новых понятий и контекстуальное знание” (цит. за: Jedliński 62). Процесс концептуализации служит для распознавания и характеристики смыслов понятий и позволяет на основе лингвистических данных реконструировать символическое понимание предмета, составляющее значение понятия. Концептуализация языковой единицы то же, что ее значение со всеми культурными компонентами и коннотативной сферой.

Эмпирический материал был получен в результате лингвистического эксперимента, участниками которого были 1000 респондентов – студентов польских и российских университетов, обучающихся на разных специальностях и представляющих различные сферы человеческого знания, женщины и мужчины в возрасте от 19 до 26 лет (по 500 представителей от каждой национальности).

Упомянутый лингвистический эксперимент – это тест вербальных ассоциаций, или иначе – ассоциативный свободный эксперимент. Он заключается в том, что испытуемые получают список слов-стимулов и записывают в определенное время первое приходящее им в голову слово или фразу, связанные с данным стимулом. Целью эксперимента является определение ассоциативных полей слов-стимулов, содержащих хранящиеся в памяти носителей языка смыслы и значения, соотносящиеся с данным словом.

Представленный тест дает много возможностей для интерпретации результатов, позволяя рассматривать язык не только как инструмент для передачи мыслей. В этом случае язык рассматривается и как носитель специфических черт, традиций и культурных ценностей. Исходя из предположения, что в языке находят выражение менталитет, восприятие и понимание мира, культура данного коллектива, можно предполагать, что параллельно в межсловесных связях (связях между словом-стимулом и словом-реакцией) фиксируются определенные культурные и социальные клише (Wierzbicka 16–32; Chlewiński 32–35).

Метод свободных ассоциаций, инициированный Фрэнсисом Гальтоном и впервые описанный немецкими учеными – психологом Альбертом Тумбом и лингвистом Карлом Марбом, – использовался примерно со второй

половины XX века в качестве диагностического инструмента в исследованиях в области обработки информации человеческим умом (о реальных или воображаемых объектах), иными словами, в области интерпретируемой когнитивной психологии¹. Этот метод позволяет проникнуть вглубь мира ментальных образов, закрепленных в так называемом языковом сознании, которое Евгений Тарасов определяет как „совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей” (Tarasov 26).

Межкультурный анализ понятий-ценностей, с одной стороны, входит в область аксиолингвистических исследований, проводимых Анной Вежбицкой, Ядвигой Пузыниной, Ежи Бартминьским, Михаэлем Фляйшером, Валерием Писареком и Рышардом Едлинским, с другой стороны, он тесно связан с концепцией лингвокультурной реконструкции языковой картины Европы (EUROJOS) (Bartmiński; Chlebda; Puzynina).

Выбор понятий *bezpieczeństwo* и *безопасность* для аксиологически ориентированного анализа не случаен и обоснован следующими факторами. Мы живем в XXI веке, в котором уровень угрозы безопасности постоянно повышается. Развитие цивилизации и технический прогресс приводят к появлению все новых угроз, ранее неизвестных человеку, количество и разнообразие которых непрерывно растет. Среди них следует назвать международный терроризм, киберпреступность, распространение оружия массового уничтожения, организованную транснациональную преступность, глобальные экономические кризисы, массовую миграцию и безработицу, экологические катастрофы и стихийные бедствия беспрецедентных масштабов (Zawisza, Śmiel 200). По мнению современного немецкого социолога Ульриха Бека, сегодняшнее общество – это общество риска, бедствий (Beck), но, как и на заре человеческой истории, люди хотят жить в условиях безопасности всегда и везде. Как отдельные лица, так и сообщества ищут действенные меры, позволяющие устранить новейшие угрозы или, в худшем случае, гарантирующие защиту от них, меры, обеспечивающие безопасность. Вследствие этого значение безопасности увеличивается пропорционально увеличению уровня угрозы. В настоящее время безопасность становится особенно желательной, чрезвычайно важной и приоритетной ценностью.

¹ Подробнее о методологии исследований см. в монографии: Barbara Rodziewicz, *Wartości. Polacy – Rosjanie – Niemcy*. Szczecin, Volumina.pl, 2014, и статье: Barbara Rodziewicz, Roman Gawarkiewicz „Skojarzenia słowne w kontekście badań etnolingwistycznych. O potrzebie realizacji projektu polsko-niemiecko-rosyjskiego słownika asocjacyjnego”. *Studia Językoznawcze. Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny*, XIX (в печати).

Эмпирическими данными для данной статьи послужили результаты ассоциативного теста, который проводился методом письменного анкетирования на родном языке испытуемых – поляков и немцев. В качестве исходного материала участникам эксперимента был предъявлен список 20 слов-стимулов, названий ценностей, в том числе понятия-ценности *bezpieczeństwo* и *безопасность*. Польским словом-стимулом *bezpieczeństwo* были порождены 117 ответов-реакций, русское стимульное слово *безопасность* представлено 170 ассоциатами.

Исходя из предположения о том, что изучение вербальных ассоциаций позволяет зафиксировать „фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании среднего носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно культурных стереотипов” (Ufimseva 98), настоящий анализ, полученный в ходе эксперимента, направлен на, во-первых, определение и описание ассоциативных полей, характеризующих обсуждаемое понятие-ценность, во-вторых, получение ответа на вопрос, как представители опрошенных сообществ профилируют объект исследования, что они о нем знают, что думают, какие у них представления о безопасности и как они оценивают одну из базовых единиц аксиологической картины мира.

Из эмпирических данных вытекает, что в языковом сознании представителей двух языковых сообществ сильнее всего укреплено индивидуально-личностное измерение безопасности. Выделение индивидуально-личностной безопасности, с одной стороны, и структурной безопасности, с другой стороны, является существенным при описании и понимании этой аксиологической единицы (Zawisza, Ćmiel 198). Индивидуально-личностная безопасность относится к отдельным конкретным людям и идентифицируется не только с отсутствием угрозы их жизни и здоровью, но также с отсутствием ряда других ценностей, необходимых для правильного функционирования, развития и самоопределения личности, например, свободы, работы, владения и распоряжения имуществом, комфорта жизни и поддержки со стороны общества и особенно группы близких людей, их уважения, признания и доброжелательного отношения. Отсутствие прочных связей с семьей и близких отношений с другими людьми приводит к неудовлетворению основной потребности в личной безопасности – принадлежности к группе, эмоциональном тепле, привязанности, любви, принятии и признании.

Структурная безопасность, в свою очередь, связана с определенными целостными структурами, к которым относят народ, государство, местное, региональное или международное сообщества. То, как построены эти структуры и каким образом они работают, влияет на жизнь действующих в них людей, в том числе на их чувство собственной безопасности.

Респонденты, как уже упоминалось, профилируют безопасность как личную защищенность. Подавляющее большинство опрошенных связывает анализируемое понятие с семьей и близкими людьми – родителями, друзьями и жизненными партнерами. Эта часть ассоциативного профиля самая актуальная в ответах молодых поляков. Приводимое ими чаще всего слово *dom*, очевидно, относится не только к жилому зданию, жилью, но, прежде всего, к пространству, заполненному его обитателями – членами семьи, к пространству, в котором осуществляется безопасная жизнь семейного сообщества. Также в языковом сознании русских самая частотная реакция, создающая базовое ядро профиля понятия *безопасность*, выражена словом *дом* (хотя количество ответов этим словом в два с половиной раза меньше, чем в ассоциативном поле, созданном поляками), ср.:

- польскоязычные вербализации стимульного понятия *bezpieczeństwo*: *dom* (179 реакций – 35,8%), *rodzina* (64 реакции – 12,8%), *mama* (2 реакции – 0,4%), *matka* (2 реакции – 0,4%), *dom rodzinny* (5 реакций – 1%), *bliscy* (1 реакция – 0,2%), *przyjaciele* (2 реакции – 0,4%), *bliska osoba* (1 реакция – 0,2%), *ktoś bliski* (1 реакция – 0,2%), *partner* (1 реакция – 0,2%), *przyjaciel* (1 реакция – 0,2%), *rodzice* (1 реакция – 0,2%), *rodzina, dom* (1 реакция – 0,2%), *życie z drugą osobą* (1 реакция – 0,2%), *związek* (1 реакция – 0,2%), *życiowy spokój, dom* (1 реакция – 0,2%), *partner* (1 реакция – 0,2%), всего 265 реакций, т. е. 52,8% всех полученных ответов;
- русскоязычные вербализации стимульного понятия *безопасность*: *дом* (75 реакций – 15%), *семья* (20 реакций – 4%), *мама* (5 реакций – 1%), *родители* (2 реакции – 0,4%), *близкие* (1 реакция – 0,2%), *дома* (1 реакция – 0,2%), *Мой дом – моя крепость* (1 реакция – 0,2%), *любимый человек* (1 реакция – 0,2%), *наши близкие* (1 реакция – 0,2%), *объятия любимого* (1 реакция – 0,2%), *отец* (1 реакция – 0,2%), всего 107 реакций, т. е. 21,4% всех полученных ответов².

Остальные ассоциаты, составляющие профиль безопасности в ее индивидуально-личностном измерении, указывают на следующие аспекты:

- 1) защиту жизни и здоровья, ср.: ответы на польском языке: *zdrowie* (5 реакций – 1%), *życie* (2 реакции – 0,4%); ответы на русском языке: *жизнь* (22 реакции – 4,4%), *жизнедеятельность* (8 реакций – 1,6%), *вирус* (1 реакция – 0,2%), *жизни* (1 реакция – 0,2%), *здоровье* (1 реакция – 0,2%), *сохранение здоровья* (1 реакция – 0,2%), *продолжительность жизни* (1 реакция – 0,2%);

² Списки всех реакций на слова-стимулы *bezpieczeństwo* и *безопасность*, построенные в порядке убывания частоты, помещаются в конце статьи.

- 2) материальную базу существования, ср.: ответы на польском языке: *dach nad głową* (1 реакция – 0,2%), *pieniądze* (2 реакции – 0,4%), *dostatek* (1 реакция – 0,2%), *finansowe* (1 реакция – 0,2%), *własny dom* (1 реакция – 0,2%), *własny kąt* (1 реакция – 0,2%); ответы на русском языке: *финансовая* (1 реакция – 0,2%), *социальная* (1 реакция – 0,2%), *экономическая* (1 реакция – 0,2%);
- 3) социальную стабильность, ср.: ответы на польском языке: *praca* (2 реакции – 0,4%), *stabilność* (1 реакция – 0,2%);
- 4) сохранение свободы, ср.: ответы на польском языке: *nie kosztem wolności* (1 реакция – 0,2%), *wolność* (1 реакция – 0,2%); ответ на русском языке: *свобода* (1 реакция – 0,2%);
- 5) состояние психического комфорта (положительные эмоции), ср.: ответы на польском языке: *spokój* (18 реакций – 3,6%), *ciepło, spokój* (1 реакция – 0,2%), *komfort* (1 реакция – 0,2%), *ciepło* (1 реакция – 0,2%), *radość* (1 реакция – 0,2%), *szczęście* (1 реакция – 0,2%); ответы на русском языке: *спокойствие* (29 реакций – 5,8%), *комфорт* (4 реакции – 0,8%), *стена* (4 реакции – 0,8%)³, *покой* (2 реакции – 0,4%), *благополучие* (1 реакция – 0,2%), *душевное спокойствие* (1 реакция – 0,2%), *жить в мире и спокойствии* (1 реакция – 0,2%), *спокойствие* (1 реакция – 0,2%), *хорошая жизнь* (1 реакция – 0,2%), *уют* (1 реакция – 0,2%).

В большей части приведенных ассоциатов содержится позитивная неявная оценка понятия-стимула. Такие слова, как, например, польские *ciepło*, *dostatek* и *spokój*, а также русские – *спокойствие*, *уют*, *благополучие*, *комфорт* имплицитно подразумевают положительные качества благодаря своей внутренней семантике.

Ассоциаты, вербализирующие безопасность в структурном измерении, также представлены довольно большим количеством лексем. Структурная безопасность укоренилась в языковом сознании респондентов, как национальная, государственная безопасность, лишь в небольшой степени она приобретает более широкое, международное или глобальное измерение. Опрошенные студенты согласны с тем, что создание безопасных условий для жизни в социальном пространстве является задачей государства, страны, в которой они живут, ср. ответы на польском языке: *kraj* (3 реакции – 0,6%), *państwo* (3 реакции – 0,6%), *narodowe* (1 реакция – 0,2%); ответы на русском

³ Реакция, выраженная словом *стена*, соотносится, по всей вероятности, с фразеологическим сочетанием *точно за каменной стеной*, употребляемым в значении ‘быть, жить, чувствовать себя в полной безопасности, под покровительством, под надежной защитой’.

языке – *страна* (2 реакции – 0,4%), *страны* (2 реакции – 0,4%), *государства* (1 реакция – 0,2%), *государство* (1 реакция – 0,2%).

В более узком смысле государственная безопасность помещается молодежью в институциональную сферу и определяется названиями конкретных государственных органов, действия которых, по мнению участников эксперимента, направлены не только на защиту жизни, здоровья и имущества членов общества от различных угроз, нарушающих чувство безопасности личности, но и на поддержание общественного порядка. В языковом сознании испытуемых актуальна связь стимульного понятия с названиями основных органов, обеспечивающих общественную безопасность. Это полиция, за которой следуют другие специализированные учреждения, выполняющие контрольные, профилактические и социальные функции, начиная со специальных служб, армии или даже дорожной инспекции и кончая Красным Крестом, ср.:

- ответы польских респондентов: *policja* (35 реакций – 7%), *SBA* (2 реакции – 0,4%), *wojsko* (6 реакций – 1,2%), *armia* (1 реакция – 0,2%), *organy ścigania* (1 реакция – 0,2%), *PZU* (1 реакция – 0,2%);
- ответы русских респондентов: *милиция* (19 реакций – 3,8%), *ГИБДД* (1 реакция – 0,2%), *армия* (2 реакции – 0,4%), *МЧС* (4 реакции – 0,8%), *МВД* (2 реакции – 0,4%), *Красный Крест* (1 реакция – 0,2%), *ОМОН* (1 реакция – 0,2%), *спецслужбы* (1 реакция – 0,2%), *служба* (1 реакция – 0,2%), *службы спасения* (1 реакция – 0,2%), *федеральная служба* (1 реакция – 0,2%), *федералы* (1 реакция – 0,2%), *флот* (1 реакция – 0,2%), *ФСБ* (1 реакция – 0,2%).

Лишь единичные респонденты относят безопасность к политической сфере: *polityka* (1 ответ – 0,2%), *политика* (1 ответ – 0,2%).

Обеспечению безопасности способствуют также законность и правопорядок, что отражено в ответах с указанием различных правил и юридических конструкций, ср.: ответы на польском языке – *ВНП* (5 реакций – 1%), *prawo* (2 реакции – 0,4%), *przepisy* (1 реакция – 0,2%) и на русском языке – *ОБЖ* (7 реакций – 1,4%), *правила* (1 реакция – 0,2%), *закон и порядок* (1 реакция – 0,2%).

Небольшая группа опрошенных указывает на глобальное измерение коллективной безопасности, связывая ее с отсутствием вооруженных конфликтов, ср.: ассоциации польских студентов – *pokój* (3 реакции – 0,6%), ассоциации русских студентов – *военная* (1 реакция – 0,2%), *мир* (7 реакций – 1,4%), *глобальная* (1 реакция – 0,2%), *глобальная проблема* (1 реакция – 0,2%), *чистое небо* (1 реакция – 0,2%).

Согласно дефинициям, фиксируемым польскими и российскими лексикографическими источниками, безопасность определяется обычно как со-

стояние уверенности и свободы от угроз и страха⁴. Следовательно, в языковом сознании поляков и русских создаются ассоциативно-вербальные сети, отражающие общее семантическое наполнение понятий-стимулов – опасность и страх, отвечающее словарному узусу, ср.: ассоциат на польском языке – *zagrożenie* (2 реакции – 0,4%) и ассоциаты на русском языке – *без тревоги* (1 реакция – 0,2%), *нет тревоги* (1 реакция – 0,2%), *страх* (1 реакция – 0,2%), *угроза* (1 реакция – 0,2%).

Респонденты приводят также ряд слов, относящихся к категории синонимов. Защита, уверенность и забота – самые фреквентивные смежные со стимульными понятиями слова, ср.: ответы поляков – *ochrona* (28 реакций – 5,6%), *opieka* (6 реакций – 1,2%), *pewność* (4 реакции – 0,8%), ответы русских – *защита* (41 реакция – 8,2%), *уверенность* (7 реакций – 1,4%), *охрана* (23 реакции – 4,6%), *защищенность* (10 реакций – 2%), *надежность* (4 реакции – 0,8%), *сохранность* (1 реакция – 0,2%).

Безопасность концептуализируется достаточно большим количеством респондентов в контексте вербализированных различными способами угроз, приобретающих определенные формы, виды и размеры. Опасными представляются ДТП, пожар и преступность. Наблюдается проявление современной доминирующей тенденции к расширению лексических значений слов (понятий) *безопасность*, *терроризм*, *нарушение информационной безопасности*. Из-за большого количества единичных ассоциаций здесь приводятся лишь некоторые, наиболее характерные ответы: на польском языке – *samochód* (7 реакций – 1,4%), *droga* (6 реакций – 1,2%), *na drodze* (1 реакция – 0,2%), *ochrona danych* (1 реакция – 0,2%), *złodziej* (1 реакция – 0,2%); на русском языке – *машина* (6 реакций – 1,2%), *терроризм* (6 реакций – 1,2%), *дорога* (3 реакции – 0,6%), *пожар* (3 реакции – 0,6%), *автомобильная* (1 реакция – 0,2%), *Интернет* (1 реакция – 0,2%), *информационная* (1 реакция – 0,2%), *информзащита* (1 реакция – 0,2%).

Каталог ответов включает также ассоциаты, вербализирующие способы защиты от потенциальных угроз или противодействия им. Как отмечал современный философ Зигмунт Бауман, рассматривая проблему характера и степени общественной опасности, „мы не способны ни замедлить темпы изменений, ни, тем более, предсказать или контролировать их ход, поэтому мы концентрируемся на вещах, на которые мы можем (мы верим, что можем или хотим верить, что можем) повлиять” (*Bauman o popkulturze. Wypisy* 260). Список средств защиты и мер, предотвращающих воздействие на людей

⁴ Ср. нормативные дефиниции: на польском – ‘stan niezagrożenia, spokoju, pewności’ (SJP 1978), на русском языке – ‘состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности’ (Ožegov, Švedova 2003).

опасных факторов, фиксируемый языковым сознанием испытуемых, очень длинный, ср., напр.:

- ответы на польском языке: *pasy* (7 реакций – 1,4%), *kask* (3 реакции – 0,6%), *broń* (1 реакция – 0,2%), *gaśnica* (1 реакция – 0,2%), *gaz obronny* (1 реакция – 0,2%), *zamek w drzwiach* (1 реакция – 0,2%), *zamek* (1 реакция – 0,2%);
- ответы на русском языке: *огнетушитель* (8 реакций – 1,6%), *ремень* (5 реакций – 1%), *оружие* (4 реакции – 0,8%), *бронежилет* (3 реакции – 0,6%), *сейф* (3 реакции – 0,6%), *страховка* (2 реакции – 0,4%).

В более широком контексте опрошенные указывают также на необходимость быть бдительным и руководствоваться велением разума, ср.: польскоязычные вербализации понятия-стимула – *rozsądek* (2 реакции – 0,2%), *zawsze trzeba być na wszystko przygotowanym* (1 реакция – 0,2%), *zdrowy rozsądek* (1 реакция – 0,2%) и русскоязычные вербализации понятия-стимула – *осторожность* (7 реакций – 1,4%), *внимательность* (1 реакция – 0,2%).

Очень мало ассоциатов сопряжено с яркой позитивной оценкой предлагаемого в эксперименте понятия. К прототипическим оценочным средствам можно отнести лишь некоторые, чаще всего единичные реакции, поскольку, как упоминалось, большинство лексических единиц в исследуемых ассоциативных полях, выполняющих данную функцию, – это периферийные средства выражения оценки, ср.: ответ польского респондента – *priorytet* (1 реакция – 0,2%) и ответы на русском языке – *превыше всего* (2 реакции – 0,4%), *нужно* (1 реакция – 0,2%).

Небольшая группа студентов отмечает отсутствие безопасности либо ее неудовлетворительный уровень, ср.: ответ на польском языке – *slabe* (1 реакция – 0,2%) и ответы на русском языке – *не существует* (2 реакции – 0,4%), *иллюзия* (1 реакция – 0,2%), *не обеспечена* (1 реакция – 0,2%), *нет* (1 реакция – 0,2%).

Вышеприведенный анализ ассоциативных профилей, хотя и достаточно фрагментарный, позволяет сделать ряд выводов. Концептуализация безопасности, отраженная в ассоциативно-вербальных сетях, хранящихся в языковом сознании представителей двух языковых сообществ, реализуется в нескольких четко узнаваемых содержательных областях. Подавляющее большинство респондентов – 61% опрошенных поляков и 38% русских студентов – относит анализируемое понятие-ценность к личной сфере. Это можно интерпретировать так: безопасность соотносится не только с общественными нормами, но и с чувственным опытом и прагматическими интересами испытуемых. В этом смысле на первое место в ассоциативном профиле выдвигается аксиологическая значимость понятия-стимула.

Как молодые поляки, так и их российские коллеги связывают чувство безопасности с их непосредственным социальным окружением и семьей. Однако межпонятийная связь, отражающая отношения между стимулом и реакциями, проявляется на разных уровнях фреквентивности. В польскоязычных анкетах это почти 50% всех полученных ассоциатов, в то время как уровень фреквентивности в анкетах на русском языке в два с половиной раза ниже и составляет около 22%. По-разному акцентируются также и другие составляющие концепт личной безопасности. Для польскоязычных респондентов существенным является психический комфорт, для русскоязычных – жизнь и здоровье.

Концепт структурной безопасности реализуется на уровне, сравнимом как в количественном, так и в качественном измерении. Как на специализированный орган, обеспечивающий безопасность, респонденты указывают в первую очередь на полицию.

Обширный каталог ассоциаций создается вербализациями угроз. Диапазон потенциальных опасностей широк, однако на ощущение безопасности наиболее сильно влияет опасность дорожного движения.

Несмотря на ряд актуально существующих транснациональных угроз, респонденты практически полностью игнорируют проблему глобальной безопасности.

Не существует единого правильного рецепта для обеспечения безопасности. В языковом сознании респондентов находят отражение различные способы предотвращения возможных угроз, от дверного замка, автомобильных ремней и противопожарного оборудования вплоть до здравого смысла.

Безопасность имплицитно подразумевает положительные эмоции. Оценка, раскрывающая значимость этой аксиологической единицы, тоже позитивна, но чаще всего имплицитна и реализуется в основном посредством вторичных оценочных лексем. Ввиду того, что сама природа понятия, обозначаемого словом-стимулом, аксиологическая, к категории оценки следует отнести и реакции, вербализированные синонимическими лексемами. Характер этой неявно осуществляющейся оценки однозначно положительный, причем больше синонимических лексем и тем самым реакций, подтверждающих ценностный смысл понятия *безопасность*, содержится в русскоязычных ответах (всего почти 17%).

Как показывает анализ результатов эксперимента, закрепленное в виде ассоциативно-вербальных сетей в сознании испытуемых смысловое наполнение понятий *bezpieczeństwo* и *безопасность* совпадает, хотя и заметны различия в яркости отдельных узлов понятийной сетки. Это свидетельствует, с одной стороны, о близости двух исследуемых языковых культур, с другой стороны, удостоверяет не только ценностный статус безопасности, но и не-

кую смысловую универсальность этого понятия, поскольку в ассоциативных профилях практически отсутствуют культурно маркированные компоненты.

**Список всех польскоязычных реакций на слово-стимул *bezpieczeństwo*
вместе со статистическими данными**

dom 179; rodzina 64; policja 34, ochrona 28, spokój 18; pasy, samochód 7; opieka, wojsko 6; droga, siła 5; BHP, dom rodzinny, mężczyzna, pewność, zdrowie 4; kask, kraj, pokój, statku 3; CBA, mama, matka, morze, państwo, pieniądze, praca, prawo, przyjaciele, rozsądek, zagrożenie, życie 2; akademik, Alkon, armia, azyl, bierne, bliscy, bliska osoba, bójka, broń, ciepło; ciepło, spokój; dach, dłoń, dobro, dostatek, durex safe, dzieciństwo, Euro NCAP, finansowe, gaśnica, gaz obronny, gumka prezerwatywa, hełm, higiena, higiena pracy, impreza, kajdanki, klucz, koc, koldra, komfort, ktoś bliski, maska tlenowa, mercedes, na drodze, narodowe, nawigacji, nie kosztem wolności, ochrona danych, państwo, opieka nad drugim człowiekiem, organy ścigania, partner, poczucie, poczucie bezpieczeństwa w grupie, poczucie go, potrzeba, priorytet, przepisy, przeżyć, przyjaciel, PZU, radość, rękawiczka, rodzice; rodzina, dom; rower, safety, samodzielność, seks, słabe; spokój, dom; sporty ekstremalne, stabilność, szczęście, tabletki antykoncepcyjne, tarcza, troska, ubezpieczenie, własne, własny dom, własny ką, wolność, zamek, zamek w drzwiach, zaufanie, zawsze trzeba być na wszystko przygotowanym, zdrowie, zdrowy rozsądek, zebra, złodziej, znajomi, znak, związek, życie z drugą osobą, życiowy partner 1.

**Список всех русскоязычных реакций на слово-стимул *безопасность*
вместе со статистическими данными**

дом 73; защита 41; спокойствие 29; охрана 23; жизнь 22; семья 20; милиция 19; защищенность 10; жизнедеятельность, огнетушитель 8; мир, ОБЖ, уверенность 7; машина 6; мама, мужчина, осторожность, ремень, терроризм 5; комфорт, МЧС, надежность, оружие, стена 4; бронезелет, дорога, замок, пожар, сейф, техника, щит 3; армия, крепость, МВД, не существует, осторожность, охранник, покой, превыше всего, родители, самосохранение, сила, страна, страны, страховка 2; автомобильная, атака, банк, без тревоги, беречь, благополучие, близких, боксер, борьба с терроризмом, в Интернете, вера, видеонаблюдение, вирус, внимательность, военная, гарантирована, ГИБДД, глобальная, глобальная проблема, глухой забор, государства, государство, данных, дверь, дома, душевное спокойствие, жизни, жить в мире и спокойствии, забота, закон и порядок, замо́к, здоровье, иллюзия, Интернет, информационная, информзащита, клетка, ключ, колобок, контроль,

Красный Крест, любимый человек, на дороге, население, не обеспечена, нет, нет тревоги, объятие любимого, мозг, Мой дом – моя крепость, наши близкие, нужно, оборона, обязательное условие, окружения, ОМОН, опасность, опора, опыт, ответственность, отец, ощущение, пожарная, пожарник, политика, политики, основа, параметры, правила, предупреждение, презервативы, природа, продолжительность жизни, ребенок, религия, рено меган, рост, рядом, саммит, самолет, светофор, свобода, секс, сертификат, сигнализация, служба, службы спасения, состояние защищенности сохранение здоровья, сохранность, социальная, спасательный круг, спасение, спецслужбы, спокойствие, стратегия, страх, страхование, страховать, сфера, США, танк, телохранитель, терроризм, терроризм и пиратство, террорист, технология, угроза, укрытие, условие, уют, федеральная служба, федералы, финансовая, флот, ФСБ, хакер, хаммер, хорошая жизнь, хранить, человека, чистое небо, шалаш, экологическая, экономическая, экономия 1.

Библиография

- Allardt, Erik. „Having, Loving, Being. An Alternative to the Swedish model of welfare research”. *The Quality of Life*. Red. Martha Nussbaum, Amartya Sen. Oxford, Clarendon Press, 1993, s. 88–94.
- Bartmiński, Jerzy. „Jak rekonstruować językowo-kulturowy obraz Europy”. *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, 22, 2010, s. 121–127.
- Bauman o popkulturze. *Wypisy. Koncepcja i wybór* Mateusz Halawa, Paulina Wróbel. Warszawa, Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008.
- Beck, Ulrich. *Spoleczeństwo ryzyka. W drodze do innej nowoczesności*. Per. Stanisław Cieśla. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2002.
- Chlebda, Wojciech. „W stronę językowego obrazu Europy. Analiza słownikowo-tekstowa”. *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, 22, 2010, s. 85–103.
- Chlewiński, Zdzisław. *Umysł. Dynamiczna organizacja pojęć*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.
- Jedliński, Ryszard. *Językowy obraz świata wartości w wypowiedziach uczniów kończących szkołę podstawową*. Kraków, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2000.
- Krzyżanowski, Leszek Jerzy. *O podstawach kierowania organizacjami inaczej: paradygmaty, modele, metafory, filozofia, metodologia, dylematy, trendy*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.
- Maslow, Abraham. *Motywacja i osobowość*. Per. Józef Radzicki. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.
- Ożegov, Sergej, Švedova Natal’â. *Tolkovij slovar’ russkogo âzyka*. Moskva, ITI Tehnologii, 2003.
- Puzynina, Jadwiga. „Z problemów opisu językowego obrazu świata – pytania i wątpliwości”. *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, 22, 2010, s. 39–51.
- Rosa, Ryszard. *Zarys polskiej filozofii bezpieczeństwa*. Siedlce, Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2008.
- Słownik języka polskiego*. Red. Mieczysław Szymczak. T. 1–3. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978–1981.

- Szacki, Jerzy. *Historia myśli socjologicznej*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
- Szmyd, Jan. „Bezpieczeństwo jako wartość. Refleksja aksjologiczna i etyczna”. *Zarządzanie bezpieczeństwem*. Red. Paweł Tyrała. Kraków, Wydawnictwo Profesjonalnej Szkoły Biznesu, 2000, s. 45–52.
- Szymczak, Mieczysław, red. *Słownik języka polskiego*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1978–1981.
- Tarasov, Evgenij. „Aktual'nye problemy analiza âzykovogo soznaniâ”. *Âzykove soznanie i obraz mira*. Red. Natal'â Ufimceva. Moskva, Institut âzykoznanii RAN, 2000.
- Ufimceva, Natal'â. „Obraz mira russkih: sistemnost' i sodержanie”. *Âzyk i kul'tura*, 4 (8), 2009, s. 98–111.
- Wierzbicka, Anna. *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*. Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007.
- Zawisza, Jerzy, Sylwia Ćmiel. „Filozoficzne aspekty bezpieczeństwa strukturalnego w kontekście bezpieczeństwa narodowego i międzynarodowego”. *Journal of Modern Science*, 3 (14), 2012, s. 187–210.
- Zbróg, Zuzanna. *Identyfikowanie i zaspokajanie potrzeb społecznych w niepublicznych szkołach podstawowych*. Kraków, Oficyna Wydawnicza „Impuls”, 2011.